

18+

Алексей Кадигробов

Орёл или решка

Алексей Кадигробов

Орёл или решка

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Кадигробов А. А.

Орёл или решка / А. А. Кадигробов — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Частный банк, заручившись поддержкой местных властей, принимает решение снести старый дом ради постройки новой высотки, при этом, не спрашивая согласия его жильцов. Но не все обитатели старого дома принимают это событие как неизбежное. Кое-кто решает вопрос с новой жилплощадью по-своему, не брезгуя залезть в карман уже давно никого не боящегося банка.

© Кадигробов А. А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

Семен Михайлович вышел из отделения сбербанка и, подняв голову, посмотрел на затянутое тучами небо. Погода портилась. Он решил не ходить в гараж, а, заглянув в гастроном, вернуться домой. Дойдя до тротуара, мужчина направился вглубь квартала. На другой стороне улицы под раскидистым тополем стояли два парня студенческого возраста. Ребята, еще минуту назад что-то бурно обсуждавшие, сейчас как по команде, пошли вслед за вышедшим из сберкассы пенсионером. Дождавшись момента, когда мужчина дошел до середины безлюдного проулка, ребята, ускорив шаг, быстро настигли деда и один из них – худой, с наглыми, выпученными глазами, как бы между прочим, поинтересовался:

– Отец, время не подскажешь?

Семен Михайлович остановился, вытянул руку так, чтобы, из-под манжеты рубахи показались часы.

– Половина двенадцатого, – сказал он.

Часы парней совсем не привлекли – старые, потертые и еще отечественной компании «Луч». – Самое время, – сказал второй, оглядываясь по сторонам предложить нам немного денег, чтобы мы сейчас, здесь никого не тронули. Сказал, и хищно прищурился.

Вообще-то худыми были оба студента. Спортивного, в парнях, было только гонор и костюмы. – А с чего вы взяли, что они у меня есть? – Спросил пенсионер.

– Не валяй дурака, старый! В сбербанк так, от нечего делать, не ходят, – бросил лупоглазый. – Давай, что у тебя там перевод или пенсия, – сказал другой, – давай половину, похорошему, не – то все заберем, и домом твоим станет больница! И снова оглядевшись, вынул из кармана куртки кулак, облаченный в кастет.

Теперь стало очевидно, что дальнейшие переговоры – бессмысленны.

Мужчина, покачав головой, пошарил по карманам пиджака.

– Это не то, – сказал он, доставая из кармана тяжелый ключ от винтового замка на гараже и перекладывая его в пустую матерчатую сумку, которую держал в свободной руке. Парни, оглядываясь по сторонам, переминались с ноги на ногу, в ожидании легких денег. – А вот это – ТО! – Сказал он, переложив сумку из левой руки в правую, и размотав ее за ручки, Семен Михайлович начал методично лупить оп рукам и бедрам участников разбоя. Ошеломленная молодежь, явно не ожидая такого развития событий, бросилась бежать, спотыкаясь друг об друга и выкрикивая бессвязные полу – возмущения, полу – угрозы: «Ну, ты дед...! Ну мы тебя ...!»

– Прямо «Ну погоди!» какое то – подумал Семен Михайлович, а вслух крикнул:

– Эй, куда вы! А пенсия, вы же забыли свою долю! Кричал он, потрясая в воздухе сумкой, но «пайщики» уже скрылись за углом дома.

«Хорошо, что ключ с собой был», – подумал Семен Михайлович, опуская руки, – а то ведь пустой сумкой хорошо только мух пугать».

Семену Михайловичу сегодня исполнялось шестьдесят шесть лет, и у него не было желания делить свою пенсию, в этот знаменательный день, с кем бы-то ни было.

Будучи человеком общительным и доброжелательным Семен Михайлович не утратил крутости нрава молодых лет. И не стеснялся его применять, когда это было необходимо. В свое время жизнь на комсомольских стройках закалила в нем характер настоящего мужчины, и сталкиваться с подобными типами ему было не в первый раз, ведь Байкало-Амурскую магистраль и ДнепроГЭС возводили не только руками сознательных комсомольцев, но и несознательных зека, с которыми время от времени приходилось сталкиваться.

Внешность он имел не особенно выдающегося из толпы человека. Этаким среднестатистический пенсионер. Среднего роста, плотного телосложения, склонного к облысению –

поэтому стригся всегда коротко, чтобы не походить на молодящихся пенсионеров, зачесывавших «локон страсти» с виска на лысину, который потом при боковом ветре вставал как ирокез у панка.

Жил Семен Михайлович в однокомнатной квартире с трещинами в потолке и стенах, через которые тараканы уже давно не бегали, а ходили на обед неторопливо, по часам, как старые госслужащие, которые проработали в одной и той же канторе многие годы.

Кроме того он был «счастливым» обладателем скромной пенсии, артрита и ордена «Трудового Красного знамени», полученного за участие в комсомольских стройках, где он работал покорителем железа – то есть механизатором.

Носил Семен Михайлович серый костюм старого покроя и рубашку в полоску. Под костюм вместо туфель он предпочитал обувать практичные и востребованные еще со времен древнего Рима сандалии. И эти сандалии сейчас направлялись в родной гастроном.

Гастроном, не смотря ни на что, оставался родным потому, что спустя тридцать неспокойных лет многое осталось по-старому:

Старая заведующая, половина прежних продавщиц, которые так же хамят, когда в плохом настроении, и так же обвешивают в независимости от него, и даже старые прилавки – холодильники, не считая парочки новых, привезенных поставщиками пива и мороженого. За столько лет не изменился даже фасад двухэтажного, кирпичного дома, на первом этаже которого располагался гастроном, но Михалычу нравилась эта живущая до сих пор память о том времени, когда в этой стране была, казалось бы нерушимая, стабильность.

Купив продукты, именинник остановился у винно – водочного отдела при входе и заказал бутылку армянского коньяка.

– Что это вы, Семен Михайлович, с завидным постоянством обходили мой отдел и вдруг на тебе – коньяк! Никак с дамой сердца на свидание собрались, – сказала с иронией молодая, черноволосая продавщица, не скрывающая своего четвертого размера, в котором терялся крестик, свисающий на тонкой, золотой цепочке.

– А что, ответил мужчина, никогда не поздно осчастливить женщину. Вот ты, Татьяна, пошла бы со мной на свидание?

– «С вами, Михалыч, хоть на край света,» – сказала девушка и рассмеявшись они распрощались.

Глава 2

Покинув гастроном, Семен Михайлович неспешным шагом прошёл вдоль каштановой аллеи, пока не достиг полуразрушенных ступеней старого, еще сталинской постройки дома. На дверях подъезда красовалось очередное уведомление из ЖЭКа о выселении жильцов дома, в связи с его сносом и расселением жильцов по малосемейным общежитиям.

Михалыч, негромко выругавшись, дернул на себя ручку двери и вошел в подъезд. Поднявшись на одном дыхании на свой, пока еще законный третий этаж, он остановился. Годы давали о себе знать. Немного переведя дух, Семен Михайлович вошел в квартиру. Разувшись, и сняв пиджак он прошел на кухню, и разобрав сумку, начал не торопясь нарезать закуски. Примерно через два часа с работы должен был вернуться внук, и ему хотелось успеть организовать праздничный стол. Картошка на плите весело кипела. Из радиоприемника на стенке звучал звонкий голос Пугачевой, поющий о том, что могут короли. Михалыч прервался для того, чтобы заточить нож, услышав шум подъехавшего автомобиля он, кончиком ножа отодвинув в сторону занавеску, посмотрел в окно. Окна его квартиры выходили во внутренний двор Стабильбанка. Вот в этот самый двор сейчас и въезжала очередная инкассаторская машина. Каждый день приблизительно в одно и то же время приезжали инкассаторы и, судя по всему, свозили денежные знаки из филиалов города в центральное отделение банка. В углу двора стоял припыленный и притрушенный желтой листвой серо – синий бронированный фургон. Он выезжал аккуратно один раз в неделю. При выходе на пенсию у Семена Михайловича ошутимо прибавилось времени для того, чтобы замечать то, что раньше его не интересовало вовсе.

От досужих наблюдений его отвлек звук ключа, провернувшегося в замочной скважине. – Это пришел внук Пашка, больше некому, – подумал дед и не ошибся.

Дело в том, что по сложившимся семейным обстоятельствам им с внуком приходилось ютиться вдвоем в этой однокомнатной квартире. После того, как родители Павла, попытав счастья на родине, продали свою двухкомнатную квартиру и уехали на заработки за границу. Пашку же оставили на попечительство деду.

Семен Михайлович был отцом Пашкиной мамы, а та была замужем за сиротой из детского дома, поэтому кроме деда у Павла на родине кроме деда из близких ему людей, никого не осталось. Денег, оставленных родителями на первое время, хватило на два месяца не голодной жизни и зимние кроссовки.

– Привет дед! Уже суетишься? – Паша прошел на кухню.

– Привет, Пашунь, чего так рано? Отпросился?

– «Отпросили». Потом расскажу, давай лучше я нашинкую, – у меня получится быстрее. Дед спорить не стал. Паша в свое время закончил ПТУ на повара, но работал пока на стройке, потому, что попасть на хорошее место оказалось сложнее, чем он ожидал, а жить на что-то нужно было. Павел был немного выше деда, имел среднюю комплекцию и темно – русые, вьющиеся волосы. Одеваться любил просто: футболка, джинсы, пайта с капюшоном. На ноги зимой и летом предпочитал обувать кроссовки – он считал их удобными, практичными и вечно-модными. – Уведомление видел, спросил дед?

– Да, дают нам две недели на выезд.

– Что об этом думаешь?

– Думаю, – надо было сначала строить, а уж потом сносить. А так поселят нас в комнатушку два на два метра, где ложаешься на ночь спать, будем страдать от недостатка кислорода, а для того, чтобы попасть в туалет придется полчаса терпеть по дороге к нему, это если он окажется свободным. А еще очередь на кухню, на которой кто угодно может попробовать твой борщ, когда он варится без тебя, а после сделанного замечания еще и плюнуть. Где проблема со стиркой и сушкой белья и приходом домой после двадцати трех и прочими «подводными камнями».

– Да, густовато аномалий для одного места, мне кажется в Бермудском треугольнике и то спокойнее, усмехнулся Михалыч. Он все это и так помнил со своих студенческих времен. – Можешь мне поверить на слово, это МНЕ повезло обитать у тебя, а на жизнь наших иногородних студентов я уже поверь, посмотрелся!

Закуски были нарезаны, и суэта перебралась в зал. Залом, в квартире Семена Михайловича, называлась комната три на пять метров, которая казалась большой по сравнению с кухней и туалетом, в котором, сев на белый трон, коленями упираешься в дверь. Но, тем не менее, все необходимое для быта в зале помещалось без труда, а это: дедов зеленый диван у окна, Внуково кресло – кровать, в другом углу комнаты, а также вещевой шкаф и старый сервант, интерьер завершал круглый обеденный стол, на котором стоял телевизор.

Телевизор был поставлен на пол за ненадобностью, а стол был пущен в дело – застелен зеленой скатертью и накрыт. Оба удобно устроились на диване, Михалыч взял графин с перелитым туда коньяком.

– Чего, Пашунь, не весел – спросил он, разливая коньяк по рюмкам?

– Давай дед по первой «за тебя», а потом расскажу.

– Для храбрости, что – ли, ну что же – давай! Родственники выпили.

– Со стройки меня уволили, дед, вот почему я сегодня пришел рано, а уволили потому, что молчать не стал по поводу того, что нам и так платят вдвое меньше, чем туркам, да еще и выплату начали задерживать на месяц, тогда как туркам у нас же на стройке платят вовремя. – Да, это уже не упущение, а большой перегиб, – согласился Семен Михайлович, и налил по второй.

– Был бы я каким-нибудь начальником участка... – Сказал Паша уже без волнения, почувствовав в словах деда моральную поддержку, – я бы, наверное, тоже промолчал бы, а так, как терять мне не чего, кроме своей мизерной зарплаты, которую перестали давать, я сказал начальству при ребятах как есть, особенно слов не выбирая, – то есть матом.

– И что они тебе на то ответили?

– Сказали, что им там революционеры не нужны, и я завтра с утра могу поспать подольше, а потом идти искать себе новую работу.

– То, что работа тебе нужна новая я, Паша, и с тобой и с ними согласен полностью. Давай посмотрим, какие у меня после моих трудовых подвигов остались бонусы. Орден Трудового Красного знамени, который я с гордостью одену через две недели, покидая навсегда отдельную квартиру, и потерянное здоровье. Я, Пашка, не боюсь общежитий, но в моем возрасте я заслужил большего.

– Согласен, дед, но что же делать?

– Давай закусим и пойдем, прогуляемся парком, а там уже и поговорим. Так и сделали. Они вышли на проспект и не торопясь пошли вдоль по алее между дорогами. Паша закурил. – Видишь ли, Пашка, на протяжении своей жизни я заметил интересную вещь, а именно то, что бедные живут по законам, написанным для них богатыми. Вот, к примеру, ты видел когда-нибудь бедного депутата, прокурора или мэра города?

– Или банкира, добавил Павел, заметив как из «ягуара», только что припарковавшегося у парадного входа СтабильБанка, вышел хозяин банка – статный мужчина лет сорока пяти в темном с отливом, явно не дешёвом костюме и помог выбраться из него своей юной спутнице в собольей шубке, которая была «юнее» его лет на пятнадцать.

– Вот, видишь, сказал дед, ты и сам все видишь и понимаешь.

– Да, я ведь не с луны прилетел, но к чему этот разговор? Ты сыпешь соль на рану и себе и мне. Михалыч пропустил реплику внука мимо ушей.

– А ты никогда не задумывался, Паша, какая между ними и нами разница? Казалось бы, те же руки, те же ноги, и голова у них не круглее нашей.

– Да так, ответил внук, почти никакой, кроме одной мелочи: я – уволенный разнорабочий, а он – владелец банка.

– Между бедными и богатыми стоят «решительность», с которой богатый берет у бедного и «не решимость» бедного взять у богатого.

– Ты к чему ведешь Семен Михайлович? – Спросил Паша, с удивлением посмотрев на деда. – Да – да, Пашунь, пора изменить положение вещей. Я, конечно же, не говорю про революцию, я не Ленин, слава богу, хотя и он был не из бедноты. Я говорю о наших с тобой делах невеселых, которые не грех и поправить.

– А где же мы возьмем . . . – начал было Паша.

– У него. – Прервал его дед, указывая пальцем на «Ягуар» у банка. У этого «хозяина жизни». – Я слишком долго довольствовался объедками с барского стола. Жизнь, Пашка, пролетела как один миг, и на ее протяжении я усердно и честно трудился, тяжело трудился, стараясь сделать её лучше. И она стала лучше. Но для кого? Для этого? Для брехунов из голубого ящика? – Не-е-е-т, не таким я видел свое будущее, замерзая на БАМе. Не такие перспективы мне рисовали общественные деятели, вручая орден за труд. Не такова будущего я хочу для тебя Паша. Раз уж не получился общественный коммунизм и каждый приступил к строительству индивидуального, как видишь, пора и нам заложить фундамент.

– Но каким же образом? Округлил глаза Павел, никогда в жизни не ожидавший чего – то подобного от деда.

– План есть, но для начала ты должен решить сам для себя – надо ли тебе это. Не просто кивнуть головой, а принять взвешенное и обдуманное решение хочешь ли ты изменить свою жизнь, готов ли рискнуть. Дело рискованное, но и цели не детские. Ответ сразу не давай, подумай до утра. – Но перед тем как начать думать я хотел бы спросить – ты правда уверен, что все получится или это жест отчаявшегося человека? – Спросил Павел, в душе уже настроившись на что-то серьезное. – Да! Я уверен, что получится – твердо сказал дед.

Глава 3

Павлу в эту ночь не спалось. Предложение деда было заманчивым, даже слишком заманчивым. Что может быть лучше не тратить годы жизни на заработки, не откладывать «копейки», а взять все сразу и потом смело строить планы на жизнь. Но как взять, и как не угодить за решетку? В чем заключался план деда и насколько он был хорош – этого Павел не знал, поэтому решение ему приходилось принимать вслепую, опираясь лишь на авторитет и жизненную опытность деда. Страх перед неизвестным был, но больше чем он парню не давало покоя то воспитание, которое привили ему с детства – работать честно, не приступать закон. Все это он носил в своей крови столько, сколько себя помнил. И что в итоге? – Безработный повар? А дед? Что получил он за все свои заслуги? Да и потом это же предложил ему не малознакомый уголовник, а его дед – Семен Михайлович Осолов – родная кровь. Интересно, у деда действительно какой-то стоящий план или же старик просто спятил? Но пока не согласишься – не узнаешь. В итоге Паша для себя решил, что морально для этого дела он созрел: ведь блестящих перспектив ближайших лет пятьдесят он для себя сейчас не видел – значит и терять ему, по большому счету, было нечего. Вот с этой прогрессивной мыслью он и уснул.

Октябрьское утро было на удивление теплым, поэтому Михалыч, выйдя на балкон с гантелями, дверь за собой закрывать не стал. Панорама вокруг балкона пестрела желтыми листьями кленов и тополей, устеливших улицы мягкими коврами.

Паша открыл глаза. То, что спешить на работу не нужно он помнил хорошо, но привычка вставать рано уже не давала ему уснуть. Вступил в пляжные шлепанцы, которые переместили его, полусонного на кухню, Павел занялся приготовлением кофе. Тем временем Михалыч на балконе исполнял последний мах с гантелями в руках, почувствовав аромат кофе ноздри его расширились, он сделал глубокий вдох, а на выдохе опустил руки вниз, положив гантели в угол, с довольной улыбкой устремился на кухню.

– Привет дед.

– Доброе утро Пашунь. Нет, что не говори, а поварское искусство это твоя стихия.

Оба сели и начали не торопясь пить кофе со вчерашними бутербродами. Паша не знал как правильно сформулировать свое согласие на вчерашнее предложение деда. Пауза затянулась. – Что ты решил по поводу банка? – выпалил дед без церемоний.

– Я в деле! – моментально ответил внук, довольный тем, что не пришлось подбирать слова. – Хорошо, – сказал дед. Хорошо!

– Теперь я смело могу провести с тобой небольшой вводный курс, чтобы ты знал, за что мы с тобой будем рисковать.

– Деньги, как ты уже понял, мы возьмем у банка. Там их водится больше чем в других местах. Что касается моральной стороны вопроса:

– Этот банк – по моим сведениям, находится «под бандитами». Он, конечно, связан с инфраструктурой нашего города – куда же без неё, но уставной капитал учредителей этого банка был сколочен благодаря спекуляции во время всеобщей приватизации. То есть – когда благопристойные граждане бежали приватизировать собственные квартиры, напуганные краткими сроками приватизации – граждане более шустрые искусственно банкротили предприятия, после чего скупали их, что называется за три копейки.

Так, что совесть меня потом грызть не будет. Пускай не грызет и тебя, Пашка. Тем более, что и выселяют нас благодаря ему же. На месте нашего дома планируют поставить коммерческую высотку, в которой получить квартиру нам с тобой явно не светит, а спонсор проекта – СтабильБанк.

Но, если залезть в сам банк, то сигнализация, которой там много и разной, и в которой честно сказать я ни черта не понимаю, сообщит о налете охране, а та сообщит дяде в дорогом

костюме, который после этого станет несчастлив и зол. И уйти мы отсюда не успеем, со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому мы туда и не пойдём! – заключил дед.

– Ну, слава богу – сказал Паша, теперь я точно знаю, куда мы ходить не будем. А куда же мы все-таки пойдём?

– В том то и фокус, что нам и идти, по большому счету, никуда не надо. Банк сам привезет нам свои денежки. – Усмехнулся дед.

– И долго будет упрашивать взять, с улыбкой добавил Паша.

– А, вот «упросить» их отдать нам деньги – и будет нашей работой – перебил его Михайлч. И с этого момента слушай по – внимательнее, потому, что деньги там будут немалые! «Похоже, у деда и правда есть план» – мелькнуло в голове внука, и он с нетерпением подвинулся ближе к деду.

– Кстати, дед, на какую сумму мы охотимся?

– Смотри, всю неделю в центральный филиал нашего города свозится прибыль с половины гипермаркетов нашего города, а в конце недели еще из четырех филиалов и ста – ста пятидесяти электронных автоматов по оплате услуг и пунктов обмена валют. Итого к субботе в сейфах центрального филиала СтабильБанка скапливается сумма, около трёх миллионов долларов американских денег. Конечно в долларах лишь небольшая их часть, еще меньше в евро, остальное в нашей валюте. Правда, нам с тобой понадобится помощь еще одного человека. С ним ты познакомишься позже.

– Ого! Да я о таких деньгах и мечтать не решался! – сказал Павел, отпивая горячий кофе. – Теперь самое время подключить свою решительность, Паша, – потому, что охотиться мы будем на крупного кабана, а именно на инкассаторский бронифургон ! – Ответил Семен Михайлович и, одним махом допив свой кофе решительно встал.

Глава 4

Семён Михалыч и Паша продвигались в сторону гаража. Гараж находился между домом и посадкой, среди ряда других, таких же сборных гаражей.

– Нам нужны колеса, сказал дед, поэтому сейчас мы займемся ревизией нашей четверки: масло, тосол, тормоза, давление в шинах, даже наличие огнетушителя и аптечки.

Когда подготовка машины была окончена Михалыч, заперев гараж сел за руль жигуля, на пассажирском месте которого уже устроился внук.

– Сейчас заправимся и поедem к месту «охоты». – Сказал Михалыч и тронулся с места. На заправке дед стал в очередь за серебристым БМВ, зет серии с откидным верхом, хозяина машины за рулем не было, видимо тот отправился в магазин при заправке.

– Пойду и я схожу, – сказал Паша возьму чего-нибудь перехватить.

– Выбрав на полках магазина два гамбургера, Паша подошел к кассе и стал за эффектной, молодой брюнеткой в туфлях на высокой шпильке и черных обтягивающих брюках, выгодно подчеркивающих ее фигуру.

– За вами никто не стоит? – С улыбкой молодого шеголя спросил Павел.

– Видимо, нет – ответила девушка, тоже с улыбкой, окинув взглядом пустой магазин. Красавица взяла сигареты и вышла на улицу. Паша, рассчитавшись на кассе тоже вышел. На улице Паша подошел к старой, местами ржавой четверке деда, подняв голову, он увидел, как брюнетка открывает водительскую дверь своего кабриолета, их взгляды встретились, Паша улыбнулся, на что девушка, сначала посмотрела на жигули, потом на деда за рулем, потом снова на Павла, скорчила гримасу омерзения и с визгом шин удалилась.

– Ничего, Пашка, – сказал дед, оценив ситуацию – скоро ты сам будишь выбирать из девиц подобного сорта с кем тебе провести вечер. Ну, а пока надо сосредоточиться на деле. После того, как заправщик вынул пистолет из полного бака, пассажиры раритета отправились дальше.

– Ты заметил, какое напряженное движение сегодня на дорогах? – спросил дед. – Вот поэтому наш фургон и вывозит деньги в субботу после 18.00, а именно в 18.20. В это время дороги пустые и инкассаторам легче придерживаться графика перемещений.

– Кстати сказать, в пути каждые тридцать минут они связываются по рации с базой, чтобы подтвердить, что с фургоном все в порядке. При этом говорят кодовое слово, чтобы диспетчер знал, что говорит со своими, а не с налетчиками. Слово при каждой перевозке новое, и говорят его инкассаторам перед самым выездом. Вот так у них поставлена охрана.

– Да уж, – только и смог сказать внук, а у нас есть, что им противопоставить кроме нашего мускул-кара и жажды наживы?

– Если бы не было, Паша, мы бы об этом с тобою даже не говорили.

Машина выехала на окраину района и поехала вдоль длинного забора, ограждающего строительство нового дома. Забор был с Пашиной стороны и отражался в боковых стеклах, наклеенными на него, рекламными плакатами и аэрозольными граффити. Метров через сто дорога уходила влево, о чем и предупреждал заранее установленный дорожный знак, но Семен Михайлович поворачивать не стал, а лишь, сбавив скорость, через двадцать метров уперся в забор той же стройки, стоящий под углом к основному.

– Что, дед, знак проморгал? – усмехнулся Павел.

– Нет, все правильно. Кстати этому знаку отведена не последняя роль в нашем деле, но все по порядку.

Михалыч сдал назад и, развернувшись, объехал квартал, чтобы найти парадный вход на стройку. Четверка, зашуршав шинами по щебенке подъехала к воротам, которые были сделаны из того же профнастила, что и весь забор. Дед дважды посигналил. Кто-то с обратной стороны

подошел к воротам, сняв замок, вытащил цепь, которая смыкала обе половины ворот через проделанные в них отверстия.

Человек лет сорока пяти, чернявый, похожий на кавказца, в сапогах и камуфляжной куртке и кепке открыл одну воротину и пропустил машину внутрь.

– Здравствуй, Григорий, – сказал дед, выйдя из машины.

С Гришей Миридзе Семен Михайлович был знаком уже более двадцати лет. Познакомились они на строительстве столичного моста. А подружила их непростая ситуация.

При строительстве моста начальством было украдено строительных материалов на очень крупную сумму, а ответственность за это ложилась на Михалыча с Гришей. Чтобы не попасть под суд им, двоим, пришлось провернуть одну непростую аферу. Если бы они провернули нечто подобное с целью наживы, то были бы уже давно небедными людьми, но в то время никто из них о наживе не думал, а пошли они на преступление, чтобы избежать незаслуженного наказания. Теперь же их свел совсем другой случай.

– Привет Михалыч, теперь нас трое? – спросил мужчина, кивком головы указывая на Павла, только что, показавшегося из машины.

– Да, знакомься – мой внук, Павел – сказал дед, и мужчина первым протянул огромную пятерню. А это Григорий, мой давний друг и наш третий участник. Еще по совместительству мой коллега, мы теперь работаем охраной данного, временно приостановленного, строительного объекта. – Зарплата не ах какая, зато большие перспективы карьерного роста, пошутил Гриша. – Какие же здесь перспективы? – Спросил Паша, указывая на котлован, вырытый под фундамент дома.

– Очень неплохие, – сказал дед, учитывая то, что фургон с тремя миллионами мы и загоним в этот котлован. А еще нам в помощь доблестные строители оставили карьерный экскаватор, бульдозер и кое – какой инвентарь. Техника, правда, древняя, но думаю, я с ней справлюсь. Раз уж она здесь работала, то послужит и нам.

– Трудоустроены мы здесь неофициально, строительная фирма, видите ли, решила сэкономить на официальной охране, что вышло нам на руку, не пришлось тратиться на лишние липовые паспорта и трудовые книжки. У нас взяли лишь наши данные с наших слов и номера мобильных телефонов, чтобы через месяц сообщить нам о зарплате, за которой мы естественно не пойдём, потому, что надеемся получить гораздо больше, и намного раньше, сказал Григорий, закрывая ворота.

– Теперь давай пройдем к непосредственному месту наших действий – сказал Михалыч, и мужчины прошли вдоль забора, обходя котлован.

Когда подошли к тому самому участку забора, у которого с другой его стороны совсем недавно остановился Михалыч, проскочив поворот – Григорий указал на ближайшее ответвление котлована, имеющее глубину метра четыре.

– Обрати внимание, – обратился он к Павлу – если убрать вот эту секцию забора, то дорога, не считая поворота, ведет прямо в эту часть котлована. По ширине яма идеальна. Фургон, после того, как войдет в нее, станет так плотно, что из всех дверей у него смогут открыться только задние, и те будут под нашим контролем.

– Теперь наша задача ограничить фургон в движении вперед – назад, а именно – засыпать часть котлована, превышающую примерную длину машины, землей. Длина инкассаторского фургона составляет пять метров, длина ямы, с тем учетом, что фургон попадет в нее слету, должна составлять восемь – десять.

– А зачем нам вообще нужен этот котлован, – в недоумении спросил Паша?

– Видишь ли, в каждом инкассаторском броне – фургоне заводом производителем вмонтирован GPS, который в случае угона, захвата и прочих неприятностей с данной машиной, показывает через спутник ее местоположение на карте, при помощи чего ее легко найти в очень

сжатые сроки. Но есть два случая, когда спутник ее не видит: это когда машина под водой – что нас совсем не устраивает, или погребенная под землю – над этим мы сейчас и работаем.

– Ладно, – сказал дед, время идет, а работа – стоит, вот тебе деньги Паша, поехали на заправку, купим топливо для этих монстров, и кивнул в сторону экскаватора и бульдозера. Григорий вынес из будки с инвентарем три железные канистры и поставил в багажник жигулей. – Только не на заправке, – сказал он. В соседнем районе есть автобаза.

– Само собой, разумеется, – сказал дед, захлопывая дверцу машины.

– А почему не на заправке. – Спросил Павел.

– Надо думать на пару шагов вперед, – ответил Михалыч. Инкассаторский фургон, вскоре после нашего исчезновения, найдут. Следствие покажет, что применялась техника, которая работает на солярке, которой надо эту технику заправить. Так зачем же нам помогать следствию и светиться перед видеокамерами заправок во всей своей красе, да еще и с машиной в придачу. – А не может техника стоять уже заправленная, поинтересовался внук?

– Нет, – отрезал Михалыч не на запущенной стройке, и не в нашей стране.

Четверка проехала мимо автобазы метров сто и остановилась.

– Жди здесь, – сказал Михалыч и пошел в сторону автобазы.

– Ну и ну – подумал Паша, – впервые за это время, оставшись наедине сам с собой, а дед – то мой настоящий авантюрист, как мастерски и четко он делает шаг за шагом, с каким вниманием подходит к мелочам, как это он со своим криминальным умом всю жизнь работал честно, за зарплату и почетные грамоты, почему раньше он не занялся подобным делом, или занимался, только я об этом ничего не знал, и откуда этот его старый друг Гриша, который готов пойти на ограбление так же легко, как на прогулку в парке, откуда знают сумму и маршрут. . .? Рассуждения Павла прервало появление деда, за которым ехал КраЗ. Михалыч поднял крышку багажника и вытащил канистры. КраЗ припарковался рядом. Из кабины вылез худощавый шофер с рыжими усами и в потертой кожаной кепке, в руках у него был шланг с приделанным к нему краном, открутив пробку, он опустил шланг в бак.

– Давай первую, – крикнул он деду, дед поднес все три канистры и, открыв капот жигуля, начал что-то регулировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.